ISSN 1406-9192

БЕЛЬСКІ ГОСТІНЭЦЬ

краязнаўча-культурны зборнік

нр 58
2018
год 21

BIELSKI HOSTINIEC

W numerze:

Przywilej Zygmunta Augusta dla Wasila Siehieniewicza
Prawosławny ośrodek kultu w Piatience
Wspomnienia i listy Ignacego Roszczenki z Kleszczel
Herody z Krzywej

НОВАЯ КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСКАЙ ПАРТЫЗАНТКІ Ў 1922 Г.

Гісторыя разгортвання беларускай праэсэраўскай партызанкі на Беласточчыне ў 1921 – 1922 гг. з'яўляецца тэмай, якая на сённяшні час недастаткова падрабязна даследавана гісторыкамі, у тым ліку з-за недахопу рознабаковых крыніц. Адным з найбольш грунтоўных даследаванняў па гэтай тэматыцы застаецца артыкул Юрыя Каліны „Брацтва сялян беларусаў (1921 - 1922)", надрукаваны ў 1994 г., звесткі з якога, аднак, патрабуюць цяпер значнага ўдакладнення і перагляду [Jerzy Kalina. Bractwo Włościan Białorusinów (1921–1922) „Białoruskie Zeszyty Historyczne" 1994, nr 1, s. 29-38.].

Нягледзячы на дастатковую дыскусійнасць праблематыкі беларускай міжваеннай партызанкі і прысутнасць гэтай тэмы ў навукова – публіцыстычным дыскурсе, яе комплекснае вывучэнне яшчэ чакае свайго даследчыка. І ў гэтым плане станоўчай з'явай будзе ўвядзенне ў навуковы абарот новых наратыўных крыніц, якія дапамогуць аднавіць многія раней невядомыя дэталі дзейнасці партызанскіх атрадаў знакамітага атамана Скамароха.

Дыяпазон любога гістарычнага даследавання значна пашыраецца пры выкарыстанні так званых эга-дакументаў – мемуараў, дзённікаў, лістоў непасрэдных удзельнікаў гістарычных падзей. На сучасным этапе развіцця гістарычных ведаў аналіз індывідуальнай дзейнасці стаў важнейшым кампанентам многіх навуковых даследаванняў, якія імкнуцца максімальна наблізіць свой прадмет да чалавека, яго ўнутранага свету і штодзённай практыкі. Аднак адносна тэмы беларускай партызанкі на Беласточчыне эга-дакументы выяўлены і распрацаваны вельмі слаба. Ніжэй публікуецца адна з нешматлікіх крыніц падобнага роду – успаміны Ігната Рошчанкі, псеўданім "Угрюмый", аднаго з паплечнікаў Германа Шыманюка (Скамароха), аб нападзе партызан на паліцэйскі пастарунак у го-

БЕЛАРУСКІ ПАРТЫЗАН

Месячн. безпартыйная часопісь Змагароу за Бацькаушчыну

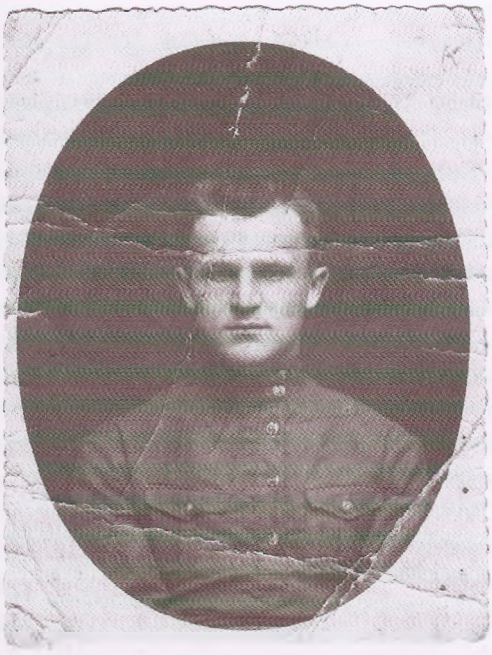
Цана паасобнага нумэру — 20 польскіх марак.

Адрэс Рэдакцыі і Адміністрацыі: Галоўны Штаб Беларускіх Партызанаў — Белавежская Пушча.

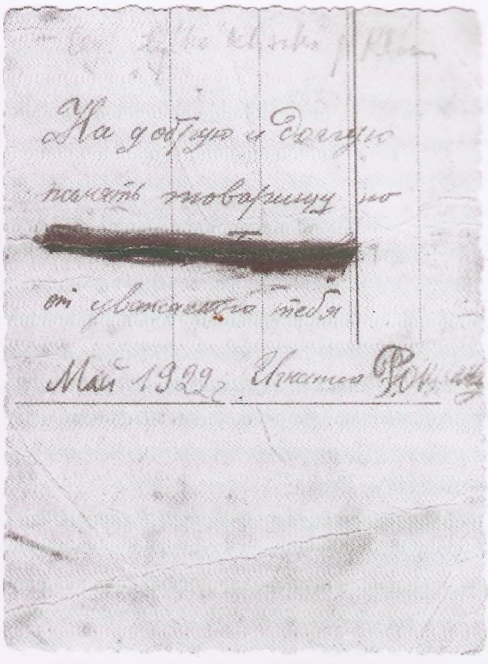
№ 1 ЖНІВЕНЬ (АУГУСТ) 1922

Herman Szymoniuk - ataman „Skomoroch", wraz ze swym partyzanckim oddziałem wydawali pismo „Biełaruski Partyzan"; jako adres redakcji podawano Puszczę Białowieską

pawet.net



Ignacy Roszczenko z Kleszczel, fotografia z 1922 r.



Tylna strona fotografii Ignacego Roszczenki z 1922 r. z dedykacją dla przyjaciela (jego imię i nazwisko jest zamazane)

радзе Кляшчэлі Бельскага павета, ўначы з 28 на 29 красавіка 1922 года.

Успаміны Ігната Рошчанкі ўяўлюць сабою 7 аркушаў паперы з рукапісным тэкстам, напісаным на рускай мове пасля-рэформенай арфаграфіяй. У загалоўку прысутнічае слова "Дневник", аднак паводле стылю выкладання інфармацыі гэтую крыніцу можна лічыць успамінамі непасрэднага ўдзельніка тых падзей, якія ў ёй апісваюцца. На першай старонцы ўспамінаў нехта дапісаў "бежал в Минск". Шосты аркуш мае пашкоджанне – палова аркуша адарвана, таму тэкст у ім можна расчытаць не ў поўным аб'ёме. Згодна са штампам, які размешчаны на першым аркушы рукапісу, успаміны Ігната Рошчанкі першапачаткова захоўваліся у Рускім замежным гістарычным архіве ў Празе. Сюды яны трапілі, верагодна, разам з паперамі Вячаслава Разумовіча (атамана Хмары).

Атаман Хмара, як прадстаўнік літоўскага Генштабу, у 1921–1923 гг. арганізоўваў і кіраваў дзейнасцю антыпольскай партызанкі на Гарадзеншчыне і Падляшшы і меў дачыненне да пісьмовай дакументацыі партызан. Пасля перадачы Рускага замежнага гістарычнага архіву савецкім уладам у 1945 г., гэтыя ўспаміны апынуліся ў Маскве і цяпер захоўваюцца ў Дзяржаўным архіве Расійскай Федэрацыі, у фондзе "Калекцыя асобных дакументаў і мемуараў эмігрантаў" (Ф. 5881, воп. 1, спр. 738).

Публікацыя ўспамінаў аднаго з удзельнікаў антыпольскага партызанскага руху ў міжваенны перыяд, ураджэнца мястэчка Кляшчэлі Бельскага павета Ігната Рошчанкі значна актуалізуе праблему верыфікацыі і пошуку эга-дакументаў па гісторыі Заходняй Беларусі ў міжваенны перыяд. Успаміны друкуюцца ўпершыню з захаваннем аўтарскіх асаблівасцей тэксту. Яны будуць карысны даследчыкам вайсковай гісторыі Беларусі, гісторыі Заходняй Беларусі, гісторыкам, якія выву-

чаюць рознабаковыя навуковыя праблемы беларуска – польскага памежжа.

Аляксандр Горны (Гродна)
Аляксандр Кузняцоў (Масква)
Дарафей Фіонік (Бельск-Падляшскі)

Воспоминания члена отряда атамана Скомроха И. Рощенко - Угрюмого о нападени на сторожевой пост станции Черемха (Клещели) на лини Варшава – Седльцы – Лида.

Крыніца даўняя: *Русский Заграничный Исторический Архив, Прага, нр 5159*

Крыніца сучасная: *Государственный Архив Российской Федерации, фонд 5881, оп. 1, дело 738.*

ИГНАТИЙ РОЩЕНКО – УГРЮМЫЙ

ДНЕВНИК

[k. 1] Мерно постукивает поезд по рельсам, но вот свисток, еще несколько минут и я вылезаю из вагона на станции Белостока. Путь мой довольно сложный со станции Жабинка, откуда я садился на поезд. Приехав до Бреста Литовска, я пересел на рядом стоящий поезд, идущий до Граева через Белосток. Сколько волнений тревог при встрече с ненавистными «канарками», но всё благополучно. На станции Жабинка проверили мои документы и я еду дальше. Вот поезд стоит на Черемхе, а вот и мои Клещели, несколько минут стоянки: сколько мыслей пробежало за это короткое время... Но свисток дает мне возможность очнутся. В мраке ночи я замечаю столь знакомые дома, огороды, сады и кажется, что это всё я теряю в эти минуты и теряю может быть навсегда.

[k. 1v] Усиленно бьется сердце и в груди захватывает дыхание... Жаль мне все это... Жаль и тебя... В глазах навертываются слезы, но полно ведь это ребячество; я выше поднимаю голову: в глазах мелькает лес «Пухово»; я стараюсь вглядеться в темень спящего леса, но он не спит; он что-то шумит, будьто разсказывая, виденное на своем веку, но кому?

Но лес скрылся, стушевался с черной ночью и опять новые мысли пронеслись в голове. Ведь я еду в Литву в К-ский полевой штаб партизан для доклада; у меня в галенице зашиты секретные бумаги. Тут и копья ультиматума посланного нашим атаманом Скоморохом Пилсудскому – это нужно отослать в Советскую Россию с протестом против несоблюдения рижского мирного договора: личные росписки членов организации, тут и денежный отчет, рапорт Скомороха, доверенность мне и другие докладные бумаги. Боюсь, чтобы не арестовали, а при тщательном обыске могут найти все это.

С такими мыслями я добрался до Белостока, покупил билет и сел в поезд идущий на Гродно. Все благополучно, ну и Слава Богу.

[k. 2] Перед самим отходом поезда вбегает в мой вагон газетчик, выкрикивая свежие газеты. Я покупил варшавскую газету «За свободу». Когда поезд тронулся я начал читать; телеграммы, последние известия, хроника все так пусто без смысла. Повернул я газету на четвертую страницу и под заглавием «Разное» - прочел следующую заметку: «в ночь с 28-го на 29-е сего апреля на сторожевой полицейский пост возле ст. Черемха (Клещели), на линии Варшава – Седлец – Лида, совершено вооруженное нападение группой около сорока человек под командой атамана Чорта. Пост оказал упорное сопротивление: перестрелка продолжалась несколько часов. В ре-

зультате два полицейский убиты, один взят в плен».

Никто, конечно, в вагоне и не подумал, что я сидящий рядом, один из виновников выше прочитанной заметки. Все было обставлено слишком таинственно: «бандиты» говорили поляки, но было заметно что то робкое и боязливое в этих словах.

А вот здесь я разскажу, как все это случилось и приведу этот эпизод из жизни «бандитов», почему и зачем все это делалось.

[k. 2v] Полиция гор. Бельска находилась в трепете от угроз и писем, разсылаемых Скоморохом за подписью А. Чорта. В ней заключалось обращение к полиции о более человечном обращении с арестованными белорусами, в противном угрожалось, примитивный способ расправы вешать на телеграфных столбах, с оговоркой, кто чувствует себя виновным, пусть молится Богу, чтобы не было поздно...

Целый ряд выступлений Скомороха обратил на себя внимание властей; неоднократно к нам присылались целые отряды полиции, жандармерии и воинских частей. Увеличивали численность полиции в участках на 50 и 100 % и сыщиками наполнили всю местность. Производились аресты наших работников, называя их большевиками и сажали в тюрьмы Бельска и Белостока. Полиция уже несколько раз намекала на меня, но уму не было и я оставался на свободе. Но во время моей второй поездки в К-ский штаб за материалами, один полицейский выразился: «уцек и други комисаж» -, но через [k. 3] пять дней я приехал. Многие из знакомых думали, что я был арестован, и поздравляли с приездом и освобождением. Я удивился, говоря, что был болен и не выходил из дому по этой причине, и что эти слухи были ложны. Но оставаться жить в Клещелях уже не было возможности. Я ночевал несколько ночей у знакомых или в сарае, чтоб не быть захваченным в расплох. В один вечер мне удалось подслушать разговор двух полицейских: «Рощенке тжеба арештоваць в тых днях». Сделав такое открытие я отправился в штаб Скомороха и сказал последнему, что жить в Клещелях дальше нельзя, так как меня могут арестовать внезапно, а сидеть в Белостоке и быть «комендантом» одиночной камеры мне не улыбается. После обмена мнений со Скоморохом мы порешили сделать налет на полицию в Клещелях, отнять винтовки и другое имущество, а полицейских разстрелять, притом было решено конфисковать имущество и лошадей у ксендза, и содержателя реставрации С., не трогая последних, если все обыдется благополучно. Таким образом вышла переспектива пополнить наш запас оружия и увеличить имущество нашего отряда, создавая из лошадей конный, летучий отряд.

[k. 3v] Налет был назначен на ночь с пятницы на субботу, если условия будут те-же и не прибудет жандармерия или воинская часть, о чем я должен своевременно уведомить Скомороха через курьера.

Прошло два дня, наступила пятница, положение ничуть не изменилось, но весь день покрапывал маленький дождь, на что должен смотреть атаман со своей точки зрения. Я сделал все необходимое, приготовив две винтовки и патроны, присланные мне н-ком Брестского раиона С. Смыком (пс. Василюк), собрал литературу, илоперограф и еще некоторые материалы. Наступил вечер. С этим днем я обрывал свою жизнь в Клещелях, прощаясь с родными и знакомыми, по-

священными в нашу организацию. Из своих товарищей я назначил караул на мост, Бельскую и другие дороги, затем я пошел проститься с моей невестой Марусей Д-к; она как раз была больная сыпным тифом, но уже начала поправлятся. Посидев часов до одинадцати и поговорив о необходимом, я попрощался с ней и матерью.

Потом пощёл домой, надел пальто, взял фонарик и вышел навстречу отряду. Огни кругом погашены, нигде не слышно звука; я стал на конце [k. 4] Дубицкой улицы и начал дожыдаться. Долго не заставили меня прислушиваться к окружающей природе, послушались шаги по Липовой дороге и я прислонился к забору. Во мраке показалась куща людей, но повидимому заметив меня остановилась и шедший впереди подошел ко мне вплотною – я сделал шаг, передо мною был Скоморох. Поздоровил. Через минуту меня окружили знакомые и незнакомые хлопцы: тут был один и с бородой, и совсем мальчик, одни оборваны, другие хорошо одеты. Всех было человек двадцать.

Мы сошли в сторону шагов сто, разбились на три группы и с разных сторон стали подходить к церкви и прилегающему к ней саду. В местечке было тихо, как в могиле. Казалось, всё притаилось, но было далеко не так: всё спало кругом, даже собаки не лаяли, лишь ночная стража стояла на улице против полиции, в которой горел огонь и два полицейских сидя за столом, что то писали. Ночной стражи, или как у нас называют варты, было теперь четыре человека в противовес, как раньше было только два, что обясняется создавшимся тревожным положением.

[k. 4v] Таким образом сделав разведку и собравшись мы устроили засаду, чтобы в удобное время забраться в полицию, так как на ночь двери запирались кроме замка еще на железную цепь. Скоморох приказал выжидать, я трех человек послал на квартиру к одному из полициантов; я тоже сопутствовал эту маленькую экспедицию. Когда они вошли в помещение, их встретила жена полицейского и сказала, что мужа нет, но увидев, что они этим не удовольствовались, я стал делать обыск. Она вся рыкнула «банditы» и заплакала... После обыска действительно оказалось, что мужа нет, но я оставил часового у квартиры, а сам с остальными пошел к Скомороху.

В это время варта почему-то вышла на крыльцо полицейского управления, и один из них постучался в полицию. Полицейский открыл дверь и впустил вартовника. Этот момент был использован и вслед за вартовником вошел Скоморох с гранатой в правой руке и леворвером в левой руке, а за ним еще Андрей Томашук и несколько других. «Руки вверх» - скомандовал атаман и поднял свое оружие кверху. Два полицейских поднялись с приподнятыми руками, а один рядом спавший поднял голову и схватился рукой за пояс, [k. 5] но в этот же момент Томашук выстрелил и пуля попала вставшему прямо в лоб... Он больше не поднялся.

Но тут произошло небольшое замешательство: на выстрел Томашука, по инстинкту выстрелили кто-то из окруживших дом, а в пмещении полиции, чтоб создать положение более угрожающим для полицейских, Скоморох выстрелил несколько раз в потолок; на эти выстрелы в одну секнду раздались десятки других со стороны окружающих дом партизан и получилось что-то вроде перестрелки. Но тут Скоморох приказал трубачу играть сбор и все собрались

около здания полиции. Тут он разослал человек десять, разбив их на три группы: первые пошли к ксендзу, вторые за лошадьми и третие готовить содержимое реставрации к погрузке на подводы, а тем временем Скоморох и остальные осматривали помещение полиции.

Один полицейский оказался убитым, два другие под охраной стояли на допросе перед Скоморохом. Остальные повидимому (их было ещё три) успели скрыться.

«Ты откуда» - спрашивает Скоморох полициата Божима. « – я з за Нарви» - слышен ответ. «Раз ты из-за Нарвы, так зачем ты пришел сюда?».

[k. 5a] «За кавалэк хлеба, пане... Я не моге мовиць... Я држе, пане...». «Ты арестовал Коляду» - кричали хлопцы. «Разстрелять его». «Возьмите», сказал Скоморох. Его отвели несколько шагов и разстреляли.

«Ты откуда», спрашивает атаман другого. «С Цехановца, бельского уезда», отвечает другой по русски. «Давно ты здесь?». «Три недели , я политикой не занимаюсь, арестованных не трогал... Я только женился... И приехал сюда служить, но я брошу, не хочу... Вот жена!.." Тут вбежала его жена из соседней комнаты с криком на польском языке: «Тебя застрелят, милый, любимый, тебя убют!».

- Нет, меня не убют, я не виновен, это только их, они виноваты, милая, дорогая моя!».

Атаман смотря на эту сцену, затем подошёл, взял за руку жену полицейскую: это была молоденькая женщина, не старше двадцати лет и видимо очень любившая своего мужа. Так во время всего разговора, она не переставала его целовать и плакать.

- «Не плачьте, ваш муж будет жить, он не виновен» - сказал Скоморох и поцеловал ея руку, приказав им немедленно оставить Клещели и ехать домой. Молодая женщина не имела слов вызсказать своей благодарности и обнимая мужа целовала и плакала радостными слезами.

[k. 6] Пошол разговор на польском языке»..
не было, а раздался выстрел...
свою очередь выстрелил но...
слышался на углу Дубицкой улицы...
и через огороды забежал домой...
побежал нагонять своих, что...
разговорившись с хлопцами я ...
... один из наших партизан, я не ост...
...лось благополучно, пройдя версту...
...нам выстрел, а потом еще и еще...
... сделали несколько шагов в сторону..
... дальше к Беловежской Пуще...
... расположение лагеря и расположение...
... тридцати верстнаго перехода....
...вился в Каменец Литовск, а от
... в Жабинку, где сел на поезд...
... партизан для доклада.

[k. 6v] ... о лошадях и подводах и...
... имущество. В ... было взято ...
... образца, масса патронов, четыре ...
... канцелярия и т.д. ...
... одну подводу и то мать С., не ...
... не давала ключей от лошадей ...
...
... обстоятельствах.
... Повозку, он попросил, чтоб ему ...
... «пятьнадцать тысяч» - закричал ...
... Он не выдал кого нибудь, хлопцы ...
... стало притом для шпионажа ...
... наше господство в Клещелях ...
... греппы, да и обратно ...
... я брату проститься, выйдя ...
... дойдя на половину дороги вернулся ...
... вдруг подходя к полиции ...

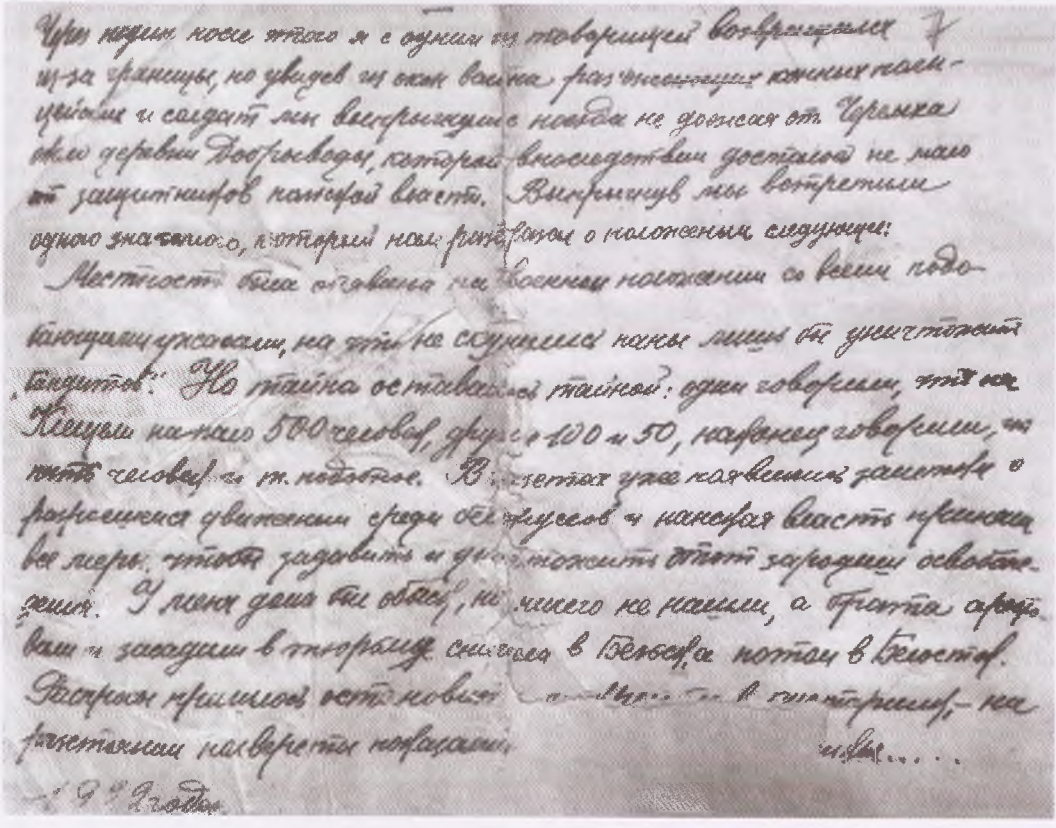
[k. 7] Через неделю после этого я с одним из товарищей возвращался из-за

границы, но увидев из вагона разъезжающих конных полицейских и солдат, мы выпрыгнули из поезда не доезжая станции Черемха, около деревни Добрыводы, которой впоследствии досталось не мало от защитников польской власти. Выпрыгнув мы встретили одного знакомого, который после разсказывал о положеии следующее:

Местность была объявлена на военном положении со всеми подобающими ужасами, на что не скупились паны лишь бы уничтожить «бандитов». Но тайна оставалась тайной: одни говорили, что на Клещели напало 500 человек, другие 100 и 50, наконец говорили, что пять человек и т. подобное. В газетах уже появились заметки о разросшемся движении среди белорусов и панская власть приняла все меры, чтобы задавить и уничтожить этот зародыш освобождения.

У меня дома был обыск, но ничего не нашли, а брата арестовали и засадили в тюрьму, сначала в Бельск, а потом в Белосток. Распросы пришлось остановить (...), на разстаянии пол версты показался (...)

1922 года.



Ostatnia strona wspomnień Ignacego Roszczenki z 1922 r.